

«Ключи к Серебряному веку»

*спектакль – повесть, о любви к женщине, о Родине, о жизни.
Спектакль основан на оригинальных источниках - воспоминаниях
поэтов Серебряного века, их родственников и друзей.*

Действующие лица и исполнители:

М.И. Цветаева

Ариадна Цветаева:

А.А. Ахматова -

А. А. Блок -

В.В. Маяковский -

С. А. Есенин -

В. Брюсов –

Шершневич –

Газетчики (3-4 человека)

Юноша -

Юноша с газетой -

Девушка с книгой Цветаевой -

Девушка с книгой Ахматовой -

Надежда Тэффи -

Голос времени -

Массовка – 10-15 человек (9 -10 класс)

ПРОЛОГ

Слово режиссёра

Выходит на авансцену, подходит к календарю. На нем отражены годы 1861 – 1917 г.г.

Зритель слышит ход часов, который становится тише перед словом режиссера:

Новый этап в развитии культуры России обусловленный годами конца девятнадцатого и началом 20 века условно называют «Серебряный век». Этот период в истории нашей Родины вобрал в себя высшие достижения культуры современников того времени и отблеск российской славы предшествующих «золотых» эпох.

Выстрел крейсера «Авроры», голоса революционеров... в записи...

Всё кончилось после 1917 года, с началом гражданской войны. Никакого Серебряного века после этого не было. Серебряный век эмигрировал в Берлин, Константинополь, Прагу, Париж.

Чудный Серебряный век подарил нам много талантливых поэтов. Они были яркими, необычными, трагическими, родными. Судьба каждого из них это целая книга, а творчество – подарок для нас, ибо каждый найдёт в серебряной россыпи свою мелодию...

Занавес закрыт, на авансцене лежат чемоданы в открытом виде, на кулису прикреплена Эйфелева Башня. Где-то вдалеке слышны звуки на пристани, крики чаек. Под песню Е. Фроловой «Не прогоняй, меня, Россия» все, (кроме Есенина) поэты стекаются к авансцене. Создается импровизированная ситуация эмиграции поэтов за границу. Они прощаются с родственниками, закрывают чемоданы, разворачиваются в пол-оборота на зрителя, смотрят вдаль.

А.Блок: Век девятнадцатый, железный,

Воистину жестокий век!

Тобою в мрак ночной, беззвездный

Беспечный брошен человек!

В. Маяковский: С тобой пришли чуме на смену

Нейрастения, скука, сплин,

Век расшибанья лбов о стену,
Экономических доктрин!

Б. Пастернак: Тот век немало проклинали
И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал - да жёстко спать...

М. Цветаева: Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней Тень Люциферова крыла).

Ариадна Цветаева: И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,

Анна Ахматова: И страсть и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Слышен 1-ый гудок парома, поэты начинают расходиться в левый карман кулис. 2-ой Гудок парома. Анна Ахматова Блок остаются на сцене вдвоем.

Ахматова: А Вы что же Александр Александрович? Остаетесь? Настают опасные времена!
Революция знаете ли! Вам не страшно?

Блок: «Все происшедшее, меня радует Анна Андреевна! Все побеждается тем сознанием, что произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса. Никогда, никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно. Произошло то, чего еще никто оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Случиться это могло только в России... Мне ничего не страшно, боятся здесь только кухарки...»
(звучит гудок парохода...)

*По среднему проходу бежит Сергей Есенин. Поднимается на авансцену,
поспешно защёлкивает чемодан.*

Ахматова: (в сторону) Уезжаете? Кланяйтесь от меня Парижу.

Есенин: А вы, не собираетесь уезжать?

Ахматова: Нет. Я из России не уеду.

Блок: Мы как видите, остаемся!

Есенин: Но ведь жить здесь все труднее.

Ахматова: Да. Все труднее....

Есенин: Может стать совсем невыносимо.

Ахматова: Что же делать?

Есенин: Не поедете?

Ахматова: Нет! Не с теми я, кто бросил землю....

*Слышен 3-ий гудок парома, Есенин и Ахматова расходятся в разные стороны. Звучит мелодия
Jesuitalade, загорается Эйфелева башня. Импровизированная площадь.*

Все те же поэты, появляются бродячие артисты.

*Исполняется песня «Я больна» **автор кто?***

По направлению к сцене бежит дочь Цветаевой у нее в руке письмо от Сергея Эфрона...

Ариадна (дочь Цветаевой): Марина! Марина! Нам с вами письмо...., от папы!!

Цветаева берет письмо из рук дочери, порывисто открывает его.

Цветаева: (читает то вслух, то про себя, видно, что очень волнуется, дочь пытается заглянуть в открытое письмо в руках матери).

«Мой милый друг, Мариночка, сегодня получил письмо от Вашего близкого знакомого, писателя Ильи Григорьевича Эренбурга, пишет, что вы живы и здоровы.

Прочитав письмо, я ...бродил весь день по городу, обезумев от радости.....
Все годы нашей разлуки – каждый день, каждый час – Вы были со мной, во мне...
(замолкает, читает, молча, вытирает накотившуюся слезу)...

Ариадна (дочь Цветаевой): Марина! Ну, не молчите! Не делайте так! Читайте вслух пожалуйста! Что пишет Вам папа? Все хорошо? Как он там?

Цветаева: (читает вслух),

«Что сказать о своей жизни? Живу изо дня в день. Каждый день отвоевывается, и каждый приближает нашу встречу. Последнее дает мне бодрость и силу. Надеюсь, что Илья Григорьевич вышлет мне Ваши стихи. Он пишет, что Вы много работаете.... Берегите себя, заклинаю Вас. Вы и Аля – последнее и самое дорогое, что у меня есть... ХРАНИ ВАС БОГ» Смахивая слезу, протягивает письмо Ариадне

Цветаева: Аля, возьми письмо, там есть строки и для тебя!

Берет письмо из рук матери. Говорит вслух.

Ариадна: О как же это чудесно! Папа помнит и обо мне!

Читает вслух:

«Родная моя девочка! Я получил письмо от И.Г. (от Ильи Григорьевича), он пишет, что видел тебя, и передал мне те слова, что ты просила сказать мне от твоего имени. Спасибо радость моя, - вся любовь и все мысли мои с тобой и с мамой. Я верю, мы скоро увидимся и снова заживем вместе с тем, чтобы больше никогда не расставаться.... Благословляю и целую тебя крепко...

Твой папа».

Вы слышите Марина! Как благостно звучат эти слова (*говорит возвышенно и радостно*) «ТВОЙ ПАПА!». (Смотрит на мать, которая стоит притихшая с задумчивым видом) Ну, что вы молчите, скажите, вы хотя бы сегодня счастливы Марина?!

Обнимает маму, прижимаясь к ней. Цветаева, принимает объятия дочери, затем говорит громко, но с дымкой задумчивого размышления.

Цветаева: (*говорит в зал*). С сегодняшнего дня - жизнь. Впервые живу! (V) Если от счастья не умирают, то, во всяком случае – каменеют. Вот прочитала письмо своего милого Сереженьки - Закаменела. Душа моя болит – рвется к любимому!

*Короткая пауза. Стоят, обнявшись слегка покачиваясь
Переводит взгляд на дочь, которая с удивлением смотрит на мать не совсем понимая ее грустные высказывания...*

Цветаева: Что ты так испугано, смотришь на меня, Ариадна,
(*тихонько хлопает девочку по носу, и они разъединяют свои объятия*)
Ну, конечно же, родная моя, конечно сегодня я очень счастлива!!

Маяковский: (*подходит к девушкам чуть сзади*) Как рад я это слышать! Хоть кто-то здесь счастлив в этом городе контрастов Здравствуйте, Марина Ивановна! Вы здесь давно?

Цветаева: (кивает в знак приветствия) Месяц как из России.

Маяковский: Как Вы устроились здесь в Париже?

Цветаева: Вроде все идет хорошо!

Ариадна отходит от матери, углубившись в письмо Эфрона. Перечитывает...

Дочь вот подрастает.... Но знаете Владимир, я с каждым днем, все острее понимаю, что здесь, я никому не нужна. Есть – знакомые, но какой холод я ощущаю постоянно. **Всё** меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна.

Читает на зрителя.

Расстояние: версты, мили...

Нас расставили, рассадили,

Чтобы тихо себя вели

По двум разным концам земли.

Расстояние: версты, дали...

Нас расклеили, распаяли,

В две руки развели, распяв,

И не знали, что это — сплав
Вдохновений и сухожилий...

Маяковский: Это из ваших последних сочинений Марина Ивановна?

Цветаева: Да, верно, стихи как крик постоянно звучат в моей голове, порой мне кажется они сами слагаются в рифмы, и я как поэт им вовсе не нужна... А вы Владимир как Вам живется в Париже, в этом вечном городе просвещения, революционных и творческих идей... Пишите?

Маяковский: Пишу, Марина Ивановна, пишу!

Люди начинают подходить к Цветаевой и Маяковскому...

Цветаева: Прошу, прочтите! В этой добровольной ссылке, сейчас мы так редко можем услышать Ваше творчество...

Люди, находящиеся на площади подходят ближе слушают Маяковского

Маяковский: Ну, что ж послушайте! (думает, мысленно решает что прочитать...)

Пожалуй, прочту Вам вот это...

Встает, готовясь к чтению расставляя шире ноги, поднимая высоко голову:

Все равно — сослался сам я или послан к маме

— слов ржавеет сталь, чернеет баса медь.

Почему под иностранными дождями

вымокать мне, гнить мне и ржаветь?

Вот «хожу», уехавший за воды,

Ленью еле двигаю моей машины части.

Я себя советским чувствую заводом,

вырабатывающим счастье....

Крики: «Браво Маяковский», «Еще, прочтите! Прочтите еще!», «Что-нибудь из ваших последних стихов», «О России, о нашей матушке России...»

Маяковский: (*читает медленно, стоит, расставив широко ноги*).

Я хочу быть понят родной страной,

а не буду понят —
что ж?!

По родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Зрители аплодируют, кто - то свистит...

На песню Е. Фроловой «Серебряные дребезги», имитация возвращения поэтов в Россию.

После этого открывается занавес.

Звучит яркая музыка «движения» появляются мальчишки газетчики, короткая танцевальная зарисовка – «Танец газетчиков».

Газетчик 1: Плешивцев: Свежая пресса! Последние новости пост революционной России!

Суд над имажинистами! Последний шанс купить билет. Всего 30 копеек.

Газетчик 2: Карпов: (продолжает) Покупайте нашу газету, и вы будете в центре всех городских событий. Свежий выпуск газеты «Московский вестник». 15 копеек.

Газетчик 3: Шашин: (подхватывает): Выступление Маяковского. Отповедь Есенина.

Газетчик 4: Потапов: Вольнодумцев судят в большом зале консерватории. Все билеты почти распроданы.

Продают несколько билетов, газет, звенит 3 звонок, убегают за кулисы

Действие первое.

1920 год. Большой зал консерватории. Москва.

Сцена оформлена под Большой зал консерватории. Задняя стена - основная декорация с 4 дверьми: После ухода газетчиков городская публика расходится, отпуская друг другу реплики поднимаются в зал консерватории рассаживаясь на свободные места заполняя ряды зрителей.... на ступенях по обоим краям сцены. На сцене с правой стороны стоит длинный покрытый зеленым сукном стол, напротив, с левой стороны - трибуна.

Девушка: *(обращаясь к соседу)* Говорят, билеты были распроданы задолго до вечера.

Парень: Да, да, слышал. В гардеробной столпотворение вавилонское. Некоторые даже пальто не сняли.

(продолжают тихонько перешептываться)

Мужчина с усами в шляпе: *(авторитетно)* Давно пора имажинистов судить!

Ручаюсь, что приговор будет один: всем принудилровка!

Мужчина в шубе, с бородой-эспаньолкой: *(поддерживая):* Да-да! Закуют в кандалы и погонят по Владимирке!

Молодой человек: О чем вы? Это же литературный суд! Литературный!

Молодой человек 2: Верно, подмечено - ЛИТЕРАТУРНЫЙ! Так причем тут принудилровка? Разве можно искусство в кандалы! Эх, вы! Надо же понимать, что к чему!

Появляются 2 опаздывающих зрителя, проходят, извиняясь, на свои места, на них шикают «Нельзя же так опаздывать!», «Неслыханное дело! Сейчас начнется!»

Появляется литературный обвинитель — Валерий Брюсов.

Зритель 1 *(шёпотом):* Тихо! Валерий Брюсов идет!

Зритель 2: Говорят, что сегодня он здесь основной литературный обвинитель.

Зритель 3: Сейчас начнет свою речь.

На них оборачиваются с первого ряда, призывая к тишине.

Брюсов: Имажинизм - довольно своеобразное явление в нашей русской поэзии начинающего ХХ века. Должен заметить, что данное направление хоть и создано через два года после революции, но по всей своей содержательной направленности ничего общего с революцией не имеет. Однако ту же сегодня мы можем говорить о том, что это будет одно из самых жизнеспособных поэтических течений нашего времени.

Вадим Шершеневич: Нет, я с вами категорически не согласен. Имажинисты хоть и пробилась на передовые позиции советской поэзии, но это явление временное: или их оттуда вытеснят другие, или они... сами уйдут.

Брюсов: Вадим Габриэлевич Шершеневич, господа! Работает более чем в одном жанре, переходя от имажинизма к символизму от символизма к футуризму....

Маяковский: *(встал со стула).* Однако, это не повод для гордости!

Маяковский просит слова! *выходит к трибуне, положив руки на спинку стула (обращаясь к аудитории сначала осматривает ее затем говорит громко).* Мать это — поэзия, а сыночки-убийцы — имажинисты!

Слушатели аплодируют Маяковскому. Шум не дает продолжать выступление. Валерий Брюсов звонит в колокольчик — не помогает!

Шершеневич: *(громко)* Тишина в зале! Дайте говорить Маяковскому!

Маяковский: Я стою сейчас перед вами и ощущаю легкий холодок между лопаток, я верю или готов поверить, что «...нет на свете больше силищи, чем солидарность, прессующая рабочий улей...». Имажинисты пишут стихи, оторвавшись от жизни. На свете много вкусов и вкусиков: одним нравится Маяковский, другим — Кусиков.

Шершеневич: Маяковский, да что Вы валите с больной головы на здоровую. Это футуристы убивают поэзию. Они же сбрасывают всех поэтов, которые были до них, с парохода современности. Что вы на это скажете?

Маяковский: «Аудитория сыплет вопросы колючие,
старается озадачить в записочном рвении.
- Товарищ Маяковский
прочтите лучшее ваше стихотворение...
Зал аплодирует, Маяковский садится на место.

Шершеневич: (громко) Маяковский – Вы не ответили на мой вопрос!

Маяковский с места кричит

Маяковский: А вы у меня украли штаны!

Шершеневич: Заявите в уголовный розыск!

Нельзя, чтобы Маяковский ходил по Москве без штанов!

Толпа смеется, начинает переговариваться, нарушая процесс.

В. Брюсов: (звонит в колокольчик, призывая к тишине, объявляет): Тишина в зале - слово Сергею Есенину.

Есенин, выходит к трибуне.

Покачиваясь из стороны в сторону, говорит зло, без запинки.

Есенин: Не вижу, кто мог бы занять позицию имажинистов: голыми руками их не возьмешь! Они никуда не уйдут и еще покажут, где раки зимуют. (*Продолжает с жаром*) Маяковский, Вы все куражитесь. «Смотрите, мол, на меня, какая я поэтическая звезда». Да что про Вас Маяковский, сказать-то? Писать Вы умеете — это верно, но разве это поэзия? У Вас никакого порядка нет. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Вас все как после землетрясения. Поэтому я без всяких прикрас говорю: сколько бы Вы ни куражились Маяковский, близок час гибели Ваших газетных стихов. Таков поэтический закон судьбы агитез!

Маяковский (с места): А каков закон судьбы ваших «кобылез»?

Есенин: У моей кобылы родина есть! Рязань! Я вышел оттуда и, какой ни наесть, а приду туда же! А у вас — шиш! Вот и бродите без дорог, и ткнуться вам некуда. Вы сами - то слышите себя, что Вы такое пишете!

(цитирует)

Хотите — буду от мяса бешеный — и, как небо, меняя тона —

Хотите — буду безукоризненно нежный, не мужчина, а — облако в штанах!

Зал смеется...

Есенин (с насмешкой): Это что, русский образ?

Маяковский вскакивает с места

Маяковский: Ну, Есенин, мужиковствующих свора.

Смех!

Коровою в перчатках лаечных.

Раз послушаешь... но это ведь из хора!

Балалаечник! *Зал аплодирует*

Ты скажи, Есенин, сделал ли ты из своих стихов или пытался сделать оружие класса, оружие революции?

(Аплодисменты.)

Есенин: Вы товарищ Маяковский напрасно так обо мне!

Маяковский: Как жаль, что вы поэт, талантливый поэт!

Поэты смотрят друг на друга, затем резко разворачиваются к залу лицом
и читают одновременно и нарочито громко.

Есенин: Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам.

Маяковский: Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс.

Кулисы начинают закрываться для смены декораций.

Синхронно читают стихи, каждый своё. Зал оживляется, слышны крики, шум.

Есенин: Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.

Маяковский: Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвествь,
Когда такие люди
В стране Советской есть!

Брюсов звонит в колокольчик, Шершневич подкидывает вверх листы бумаги, покидает зал, суд превращается в фарс, свисток командира милиции, участники спектакля, сидящие на ступеньках, свистят и разбегаются кто куда.

Акт 2

Кулисы закрыты.

Звучит вальс Шостаковича, появляются гуляющие в парке пары прохожих.

Девушка: Вы вчера были в консерватории?

Парень: На суде имажинистов? Да, успел купить последний билет. Да, жарко там вчера было! Перепалка, конечно, шла, скажу я вам бесконечная....

Девушка: Аудитория была довольна?

Парень: Как же, в один вечер слушают Брюсова, Есенина, Маяковского.

*Появляются газетчики, первый кричит, подбегая к тумбе с афишами,
Начинает приклеивать афишу...*

Первый: Последние свежие новости.... Последние свежие новости...

Второй: Владелец литературного кабаре «Бродячая собака» Борис Пронин - душа компании...

Третий: энтузиаст и театроман, устраивает у себя артистический литературный вечер...

Четвертый: Участником может стать каждый из вас! Спешите! Не пропустите....

Газетчики, разбегаясь, кричат свои фразы одновременно

*Парень с девушкой поднимаются, идут рассматривать афишу, что-то между собой
обсуждая, потом уходят.*

*Группа студентов на другой скамейке перехватывает внимание зрителя
Две девушки, одна с книгой Цветаевой, другая, с Ахматовой. Парень стоит за ними,
опираясь руками на спинку скамейки. Другой сидит на аванс сцене, читает газету!*

Девушка 1: Нет, вы только послушайте, как пишет! *(Цитирует)*

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам, (фимиам это *благовоние*)
Моим стихам о юности и смерти,
- Нечитанным стихам! –

Парень 1: Что это за стихи ты читаешь, дай я сам посмотрю...

(берет книгу из рук девушки, Продолжает читать):

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

(говорит насмешливо) Что это за стихи такие? Лучше бы ты Пастернака прочла, вот это я понимаю, поэт! *(Закрывает книгу, на обложке которой портрет Цветаевой)*

А это кто, всего лишь на всего какая - то круглолицая гимназистка....

Парень 2: (свернув газету, легонько шлепает ей товарища, говорит на зрителя).

Эх, ты темнота. Эта круглолицая гимназистка как ты говоришь, печатается сегодня в типографии у самого Мамонтова. И, между прочим, еще в 1910 году на собственные средства она издала этот сборник своих стихов «Вечерний альбом». Так в русскую литературу вошла Марина Ивановна Цветаева. Темно-та-а!

Медленно по среднему проходу идёт фонарищик, меняет лампочки, фонари загораются... Следом через зал к сцене идет Ахматова.... Останавливается, по всему видно, что она кого-то ждет. Молодые люди сидят притихшие, рассматривают необычного вида женщину.

Девушка 2: (говорит не громко, но понятно для зрителя). Смотрите, какая необычная женщина - очень тонкая, высокая и бледная....

Девушка 1: (таинственно, зачарованно) Вся черная, словно лакированная.... А глаза, обведенные кругами, смотрят холодно и неподвижно... — точно не видят окружающего....

Парень 1: Да уж! Все черты лица, все линии фигуры — в углах. Угловатый рот, угловатый изгиб спины... Мне казалось, что таких женщин в жизни не бывает.... Ну, если только вымысел художника!

Парень 2: Нет, это живая Ахматова! Анна Горенко!

Девушка 1: (вопросительно) Анна Горенко?

Парень 2: Да, Ахматова это ее псевдоним!

Ахматова: (говорит как бы себе, но громко на зрителя) Пастернак не исправим, скажу я вам! Опять опаздывает! **Быстро уходит, поднимаясь на сцену, скрывается за кулисой...**

Девушка 2: Интересно как вы думаете, куда это она так торопится?

Парень 2: Известно куда, в артистический подвальчик Бориса Пронина «Бродячую собаку», куда же еще!

Девушка 1: Так может и мы туда!

Парень 1: А что, прекрасно проведем сегодняшний вечер и встретим новый день!

Звучит музыкальная заставка молодежь уходит вслед за Ахматовой в ту же кулису...

АНТРАКТ:

АКТ 3 «Бродячая собака»

Лица, занятые в сцене: Ахматова, Блок, Пастернак

Играет живая музыка, всё те же двери, на которых добавлены фамилии писателей.

Пары до этого участвовавшие в сцене, занимают столики\скамейки.

За столиком сидит Анна Ахматова, что-то пишет. По среднему проходу быстрым шагом идет Б. Пастернак с газетой. Поднимается на сцену, подсаживается к Ахматовой.

Ахматова отрывает взгляд от рукописей

Ахматова: (обеспокоенно) Борис Леонидович, я уж думала Вы не придёте. Скоро уже Александр Блок будет выступать, а Вас все нет!

Б. Пастернак: Анна Андреевна, мне, чтобы попасть внутрь, пришлось разбудить сонного дворника, пройти два петербургских двора-колодца, а в третьем повернуть налево. (Разворачивает газету). Вы, нынче, читали свежий выпуск «Московского вестника»? Заголовки говорят сами за себя, вот, послушайте: «Есть ли будущее у имажинистов?», «Маяковский против Есенина». А далее здесь пишут, что они опять учинили поэтический дебош!! Ну, что Вы на это скажете Анна Андреевна?

А. Ахматова: (Говорит медленно с улыбкой). Ох, Борис Леонидович! Ну, что тут скажешь? Маяковский и Есенин – еще оба подростки, один городской, другой деревенский. Вы ведь знаете, что их имена нередко звучат вместе, но чаще всего как раз на почве контрастов и противопоставлений.

Б. Пастернак: Да-а! Есенин соперник Маяковского на арене народной революции, да и в сердцах людей. Я считаю, что по сравнению с Есениным дар Маяковского тяжелее и грубее, но зато, может быть, глубже и обширнее.

Из артистической появляется А. Блок. Стоит поодаль, наблюдает за происходящим.

А. Ахматова: Не нам встречать в их споры и их оценки друг друга. Они на это имеют право, а мы – нет. Не нам судить....

Б. Пастернак: Вы знаете, я соглашусь с Вами Анна Андреевна, а прочтите-ка лучше что-нибудь из ваших последних сочинений. Наверняка есть что-то стоящее...

Ахматова: Вы знаете, Борис Леонидович, меня так взволновала встреча с Александром Блоком, когда я побывала у него в гостях, что стихотворение, посвященное этому событию я написала легко и вдохновенно! Пожалуй, прочту его Вам!

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

А. Блок, подходя ближе, читает вместе с ней.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

А. Блок: Добрый вечер, Борис Леонидович, Анна Андреевна! Говорят, здесь сегодня собралась вся столичная творческая интеллигенция: балерина Тамара Карсавина, Осип Мандельштам, Игорь Северянин.....

Б. Пастернак: Я на входе встретил Надежду Тэффи. Она тоже сегодня в программе?

А. Ахматова: *(обращаясь к Пастернаку)* Только Маяковского что - то сегодня не видно? А он ведь здесь частый гость....

Б. Пастернак: Да, это верно, но выступает нечасто, потому что его чтения редко обходятся без скандалов. В последний раз он еще и драку устроил.... Что поделать... Молод, горяч...

К Пастернаку подходит девушка - ведущая, он что-то говорит Ахматовой, та кивает и он уходит. Ахматова и Блок остаются одни.

А. Блок: *(обращаясь к Ахматовой)* А Вы, Анна Андреевна выступаете сегодня?

А. Ахматова: Александр Александрович, вы как никто другой знаете, что владеть залой очень трудно. Гением этого дела я считаю - Зощенко, Борис Леонидович Пастернак тоже хорош на эстраде, а меня здесь никто не знает. *(Говорит на зрителя)* Когда я вышла читать свое стихотворение «Все мы бражники здесь», из зала раздался возглас «Кто это?», а после строчки «Я надела узкую юбку» все и вовсе стали смеяться...

А. Блок: Возможно, Вы сейчас удивитесь, но и когда я читаю «И пьяницы с глазами кроликов» - тоже все смеются.

А. Ахматова: *(улыбаясь, говорит застенчиво)* Я принесла ваши книги. Надпишите?

(Подает ему сборники).

*Начинает играть музыка, появляется певица в сопровождении танцующих кабаре...
Посетители «Бродячей собаки» аплодируют....*

Исполняется песня «Ты письмо моё милый не комкай» - открывающая литературный вечер...

Блок подписывает книги, и уходит за кулисы, готовится к выступлению.

Музыка стихает, появляется Пастернак, выходит на центр сцены обращается к публике

Пастернак: Друзья, сегодня мне Борису Пастернаку выпал счастливый фант открыть этот литературный вечер! И я начну его так.... В детстве я мечтал стать композитором, я много сочинял и импровизировал на фортепиано... В юности хотел быть философом, но верю я, что именно литература сделает меня знаменитым

Выкрики из зала: «Быть знаменитым некрасиво»

Пастернак: Верно, друзья так и есть

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,

А не шумиха, не успех.

Позорно, ничего не знача,

Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,

Так жить, чтобы в конце концов

Привлечь к себе любовь пространства,

Услышать будущего зов....

Все хлопают, кто-то свистит, кричат «Браво!», Пастернак кланяется, говорит смущенно:

Пастернак: Благодарю, друзья благодарю, живое слово я передаю Надежде Теффи. И хочу заметить, что она не перестает радовать нас своими произведениями, продолжая смеяться сквозь слёзы над величайшей русской трагедией. Быть может, этот смех позволил многим не потерять себя на чужбине, вдохнул новую жизнь, дал надежду.... Надежду Теффи

Выходит Надежда Тэффи, говорит, обращаясь к Пастернаку –

Тэффи: Спасибо Борис Леонидович за столь высокую оценку моего творчества.... Однако, и сегодня как уже было Вами здесь сказано, я намерена смеяться сквозь слезы...

Пастернак делает поклон, оставляет поэтессу и проходит к столику, где сидит Ахматова, садится рядом с ней....

Тэффи: *(Идет по сцене спускается в зал к зрителям).* Счастливая! Мои заметки размышления, возможно, привлекут ваше внимание, ведь не многие из нас могут ответить на простой вопрос. А что такое счастье? Вот, например, для Вас *(зритель отвечает)*. А для Вас? *(отвечает)*.

Голос из зала: А Вы сами Надежда можете определить, что такое счастье?

Тэффи: Да, один раз я была счастлива. Я давно определила, что такое счастье, очень давно - в шесть лет. А когда оно пришло ко мне, я его не сразу узнала. Но вспомнила, какое оно должно быть, и тогда поняла, что я счастлива. *(С ухмылкой и разочарованием)*. Однако мое взрослое счастье длилось недолго, начались обиды и переживания, о той любви, которую оскорбили, и о той любви, которую мы оскорбили сами, и о счастье, которого нет....

Читает. Моя любовь — как странный сон,
Предутренный, печальный...
Молчаньем звезд заморожен
Ее призыв прощальный!
Как стая белых, смелых птиц,
Летят ее желанья,

К пределам пламенных зарниц
Последнего сгорания!..
Моя любовь — немым богам
Зажженная лампада.
Моей любви, моим устам —
Твоей любви не надо!

*Все хлопают. Теффи приглашает 1-2 зрителей для чтения стихотворений...
уходит за свой столик.... Звучит джазовая музыка...*

*Б. Пастернак перебирает книги, которые лежат на столике у Анны Ахматовой
обращается к Ахматовой, которая увлечённо читает книги...*

Б. Пастернак: Круг Вашего чтения великолепен! Прекрасная подборка книг, Анна Андреевна? И надпись свежая поэта, его автограф.... Александр Блок - Ахматовой!

А. Ахматова: ... да, верно, (*показывает книгу*), а на этой книге строчка «Красота страшна, Вам скажут», словно эпитафия к стихотворению....

Публика кафе аплодирует Блоку, появившемуся в центре сцены...

Б. Пастернак: *кивает в сторону появившегося поэта*, Так оно и есть Анна Андреевна, то не эпитафия, а стихотворенье, которое сейчас, я уверен наш Блок прочтет для Вас!

Все затихают. Блок читает, стоя с разворотом на Анну Ахматову

А. Блок: «Красота страшна», - Вам скажут -

Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан - в волосах
«Красота проста», - Вам скажут -
Пёстрой шалью не умело
Вы укроете ребенка,
Красный розан - на полу....

Шумный выход Есенина, все начинают перешептываться, общий гул

Каждый посетитель произносит в адрес Есенина по одной две фразы, массовка гудит....

Есенин запрыгивает на сцену, читает:

«Во втором дворе подвал,
В нём – приют собачий.
Всякий, кто сюда попал,-
Просто пёс бродячий.

Но в том гордость, но в том честь,
Чтобы в тот подвал залезть!»

Приветствую вас поэты, писатели, художники режиссеры Я вернулся к вам, вернулся домой в Россию и радуюсь этому как ребенок.... Я уверяю вас, что здесь все, даже небо и луна, другие, чем там у них. ДА-а! Трудно мне было там за границей.... Но я все - таки удрал! Я в России! Буду всем вам писать стихи....

Публику кричит хором УУУУУ! Такие же, как Дункан?

Есенин: Ей я писал нежные!

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить
Не-е-т! Скандалить я не буду!
Скандалить пойду к Маяковскому!

Кстати, а где Маяковский? Вы его сегодня не видели?

Он должен быть здесь я знаю!

*Есенин идет к столикам, где сидят посетители кафе,
спрашивает Маяковского и, пошатываясь, уходит совсем...*

Пастернак: Да-а! Из-за границы до нас доходили слухи, и все не радостные, что Сергей Александрович пьет, скандалит....

Ахматова: Действительно, было грустно осознавать, что пропадает где-то хороший русский поэт, и мы не в состоянии чем-нибудь помочь ему....

Блок: Но ситуация как мы видим и сегодня не лучшая, прямо скажем смешна и анекдотична...

Тэффи: (*подходя ближе к участникам разговора*) Господа! Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. Его жизнь возможно сплошной анекдот, то есть трагедия. Если похвалим его — не поверит. Если скажем правду, ему будет больно. (V) Лучше давайте-ка разойдемся, утро уже!

Играет музыка, все расходятся, занавес закрывается.

Перед занавесом суматоха вновь появляются газетчики, выкрикивают заголовки:

Газетчик 1: «Великий поэт, переводчик, офицер - расстрелян!»

Газетчик 2: «Смерть Николая Гумилева!» «Названы имена заговорщиков!»

Газетчик 3: «Большевики презирают перебежчиков и уважают саботажников! Гумилев предпочитал, чтоб его уважали....»

Газетчик 4: При аресте он был совершенно спокоен, в тюрьму взял Евангелие и Гомера.

Газетчик 1: Последняя новость дня: «Гумилев расстрелян как враг народа!»

Газетчик 2: «Смерть великого поэта в России потрясла весь Париж!» *разбегаются....*

АКТ 4

ДВА ПОЭТА – ДВЕ СУДЬБЫ

(Ахматова - Цветаева)

Звучит в записи песня на стихи А. Ахматовой «Последняя встреча»

на авансцене появляется Анна Ахматова вся в черном. С плеч Ахматовой спадает красная шаль, один ее конец тянется по полу, она медленно идет к центру авансцены....

Ахматова: (*несколько секунд смотрит в зал невидящим взглядом..., говорит тяжело*)

Его больше нет с нами! (V) Я виновата в его смерти - если бы не я, Гумилев бы не вернулся в Россию из Парижа. (*Короткая пауза перед чтением стихотворения*)

О, знала ль я, когда, томясь успехом,

Я искушала дивную судьбу

Что скоро люди беспощадным смехом

Ответят на предсмертную мольбу.

О, знала ль я, когда неслась, играя

Моей любви последняя гроза,

Что лучшему из юношей, рыдая,

Закрою я орлиные глаза.

О смерти моего Гумилева большевики записали «Да... Этот ваш Гумилев... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер.... Стоял, гордо держа голову. Улыбался, медленно докурил папиросу и... Фанфаронство, конечно, пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает...»

Я знаю! Несмотря на разлуку и его смерть, мы будем связаны с ним навеки вместе....

*Звучит вступление к песне «БЕССОНИЦА» Занавес открывается,
Ахматова медленно проходит вглубь сцены...*

*Сцена оформлена под ночной город: черный занавес в глубине сцены
на котором изображены дома разной высоты...
Танцевальная композиция «БЕССОНИЦА», (танец с окнами)
Два поэта – две женщины Цветаева и Ахматова идут по ночному городу
в соответствии с рисунком танца не пересекаются.*

*В конце композиции Ахматова проходит и садится, берет книгу, читает. Цветаева
остается на сцене, идет по касательной ближе к сидящей Ахматовой...*

Цветаева: Вот опять окно, Где опять не спят.

Может — пьют вино, Может — так сидят.

Или просто — рук, Не разнимут двое.

В каждом доме, друг, Есть окно такое.

Не от свечь, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз!

Крик разлук и встреч — Ты, окно в ночи!

Может — сотни свеч, Может — три свечи...

Выдерживает небольшую паузу, затем обращается к Ахматовой...

М. Цветаева: Добрый вечер, Анна Андреевна. Я слышала о вашем горе. Ваш сын, опять в тюрьме... и нет возможности ему помочь... Соболезную. И понимаю Вас я как никто другой! Мой муж Сергей и дочь Ариадна арестованы, еще один рубец на сердце, еще одна седая прядь....

Ахматова: Да, слышала и я, о Вашем горе, сочувствую и искренне скорблю...

Ахматова плотнее укутываясь в шаль, коротко тяжело кашляет....

Цветаева: Вам холодно? Вы простудились?

Приседает к креслу Ахматовой, берет ее за руку и держит в своей руке...

Ахматова: Нет, я совсем здорова!

Цветаева: Но вы кашляете Анна Андреевна!

Ахматова: Ах, это? *(Усталая улыбка.)* Это не простуда, это чахотка.

Цветаева: Вам бы на юг, в Италию. Но где денег взять? Да если бы и были... Не уедите?

Ахматова: Не уеду! Зачем Вы спрашиваете, меня об этом? Вы ведь знаете еще в 22 – ом году я приняла окончательное и бесповоротное решение остаться в Советской России. Да и ехать то куда Германия уж танками пошла, за ней дымится, вся Европа...

Ахматова: *(встает с кресла, берет руки Цветаевой в свои руки, говорит низким голосом)*

Предчувствую, идет беда, но из России никуда, остаюсь здесь я – со своим народом!

Прощайте, рада была нашей встречи! *Уходит, оставляя Цветаеву одну... Музыка??*

Цветаева: *(медленно повторяет слова Ахматовой)*

Предчувствие беды, глобальной катастрофы... Вот что тревожит и беспокоит меня ... Мои любимые Чехословакия и Франция быстро пали под натиском нацистов, и мне кажется, что скоро враг доберется и до родной Москвы....

*Звучит отбивка - позывные «Вставай страна огромная»,
по сцене ровным строем маршируя, идут солдаты разворачиваются
встают за спиной Цветаевой*

Германия ведь ты для меня была страстью, колыбелью моей души, силой духа! Почему же ты стала тюрьмой!

О, дева всех румянее, *Две строчки читает одна*

Среди зеленых гор —

Германия! *Четыре строчки читает вместе с солдатами, по нарастающей!*

Германия!

Германия!

Позор!

Полкарты прикарманила,

Астральная душа!

Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

О мания! О мумия!
Величия!

Сгоришь, *Солдаты хором читают все пять строк стихотворения, затем, маршируя поворачиваются и строем уходят за кулисы...*

Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

Цветаева: (взволновано). Что же делать мне – бежать из столицы или же остаться? Если бежать, то куда? С кем? Георгий совсем отстранился от меня. Мне страшно за сына. Эти его дежурства на крыше во время налетов. (*Вдруг резко принимает решение*). Нет, нужно торопиться с отъездом!

Звучит песня на стихи Цветаевой «Господи, я не могу!»

Цветаева бросается к чемоданам стоящим поодаль, начинает собирать чемодан, но берет чемодан уже готовый, который стоит перевязанный веревкой поднимается и идет на авансцену говорит сразу, как только зазвучит голосовое пение...

Цветаева: На елабужский берег я вышла 17 августа 1941 года. Я была в разбитом и угнетенном состоянии. Интуитивно я чувствовала, что иду по земле, в которой буду похоронена. В этом городе я не написала ни одного стихотворения. Здесь я нашла свое последнее пристанище....

Читает: О поэте не подумал
Век - и мне не до него.
Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом
Времени не моего!
Если веку не до предков -
Не до правнуков мне: стад.
Век мой - яд мой, век мой - вред мой,
Век мой - враг мой, век мой - ад.

Ариадна, дочь Цветаевой из глубины сцены идет на зрителя

Ариадна: Первая посмертная книга стихов Марины Цветаевой «Избранное» увидела свет в СССР в 1961 году, через 20 лет после гибели автора и почти через 40 лет после предыдущего издания на родине. К моменту выхода книги немногие читатели помнили молодую Цветаеву и почти никто не представлял, в какого масштаба фигуру она превратилась, пройдя свой трагический путь.

Ахматова из глубины сцены идет на зрителя: Я тоже не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории того времени. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

На сцену выходят все участники спектакля

Есенин: По капельке, по искорке, по вздоху
В себя переселившие эпоху,
Ей верные до самого конца.

Блок: Когда такой уходит человек,
Живые по нему часы сверяют.

Пастернак: И время на секунду замирает
И лишь потом выравнивает бег.

Маяковский: О, времени сердечный перебой!
За ним дыханье следует второе,

Шершневич: Неистребима жизнь! Её прибой
И тихий берег вечного покоя.

Тэффи: Ещё дороже станут в память той,
Что ничего не унесла с собой. (Стих *И. Малярова*)

ФИНАЛ. ПЕСНЯ

«ПОЭТЫ НЕ РОЖДАЮТСЯ СЛУЧАЙНО» И. Талькова...

*В конце третьего куплета все участники поднимают портреты поэтов,
условно названного современниками «Серебряного века», создавая
композицию – «портретной галереи»*